

ко «Мемуары» и «Исповедь» Ракоци, но и произведения Миклоша Бетлена (1642—1716) и Миклоша Тотфалуши-Киша (1650—1702), как и прочие значительные произведения старой мемуарной литературы на венгерском языке, — не считала предметом литературоведения. Бела Золнай же, следуя, по-видимому, примеру французов, увидел в произведениях мемуарного характера большую литературную ценность и сумел понять литературное значение «Мемуаров» и «Исповеди» Ракоци. Тем самым он создал предпосылки для того, чтобы мемуарная литература, играющая немалую роль в венгерской прозе, заняла достойное место в истории литературы. Золнай не только открыл литературное наследие Ф. Ракоци и положил начало его научному исследованию: он сумел выявить, показать и многие элементы писательской манеры Ракоци. Правда, наряду со многими положительными чертами, его исследования обладали многими серьезными недостатками, которые в большинстве случаев связаны были с методологическими слабостями буржуазного литературоведения периода между двумя мировыми войнами.

Говоря о недостатках и заблуждениях, характеризовавших прежних исследователей творчества Ференца Ракоци, мы хотим не умалить их заслуги, но наметить верное направление рассмотрения и оценки литературного наследия этого выдающегося персонажа венгерской истории. Одним из важнейших условий полноты и объективности подхода к этому явлению венгерской литературы будет стремление рассматривать литературное творчество в контексте общественно-политической жизни той эпохи, не абсолютизируя отдельные периоды творческой эволюции, постоянно ища моменты преемственности, связывающие их воедино.

Нужно сказать, что историки литературы до 1945 г., высоко оценивая произведения Ракоци, созданные в эмиграции, почти не интересовались его литературной деятельностью в период освободительной борьбы. Это вело не только к историко-литературной диспропорции: такой подход по существу был связан с искажением образа Ракоци как борца за освобождение. Недаром тот же Бела Золнай упорно возвращается к религиозной стороне мировоззрения Ракоци. «... Существует, — пишет он, — и другой Ракоци, говоря о котором, нет необходимости упоминать о ратных подвигах. И открыт которого было, может быть, не совсем безынтересно: это — отшельник-янсенист, писатель глубоко религиозный, почти святой, один из наиболее ярких представителей венгерского католицизма. . .»⁵. Или в другом месте: «У него был мирской период, когда он служил земным идеалам. . . но затем, среди новообращенных и кающихся, он пережил глубокое душевное потрясение, сблизившее его со Святым Августином и Паскалем»⁶. «Он относился к тому типу людей, — читаем далее, — которых религиозные переживания сделали писателями, черпавшими лирическое вдохновение во внутренней борьбе за свою веру»⁷. Так великий предшественник Лайоша Кошута превращался «в смиренного телом и душой отшельника», который, «разочаровавшись в земных идеалах», раскаявшись в своих грехах, вернулся в лоно божьей церкви.

Конечно же, такой акцент в подходе к творчеству Ракоци и к его образу был продиктован — даже при субъективной непредвзятости писавших о нем авторов — политическими интересами реакционного режима. Недаром в период между двумя мировыми войнами в Венгрии не нашлось ни одного издательства, которое осуществило бы публикацию «Мемуаров»

ред, 1927); «Magyar janszenisták» («Венгерские янсенисты». Печ, 1924—1925); «A janszenisták európai útja» («Европейский путь янсенизма». Будапешт, 1933); «Rákóczi az író» («Ракоци-писатель». Будапешт, 1935); «II. Rákóczi Ferenc» («Ференц Ракоци II. Будапешт, сер. «Венгерские биографии», 1943); «A janszenista kutatás Középeuróában» («Исследования по янсенизму в Центральной Европе». Коложвар, 1944).

⁵ Золнай Бела. II. Rákóczi Ferenc, прим. 4, с. 8, 9.

⁶ Там же, с. 10.

⁷ Там же.